

Мы все над тем шутили и смеялись,
Как Абсолон и Николас сквитались.
Свое сужденье каждый произнес,
Но, в общем, хохотали все до слез.
Один лишь Освальд, желчный мажордом,
Все недовольнее смотрел кругом.
Он сам, как помните, был раньше плотник
И плотников хулить был не охотник.
«Что ж, я б тебе мог тем же отплатить,
Когда б хотел похабником прослыть.
Но я уж стар и не хожу в ночное.
Я сеном сыт, мечтаю о покое.
Уже не веселит стакан вина,
Когда проглянет плешь иль седина.
Вы знаете, должно быть, мушмулу:
Чуть перезрела – лишь на корм ослу
Да на подстилку только и годится.
Чего нам возрастом своим кичиться?
Чуть перезрел – ложись, приятель, в гроб,
Чуть позабылся – смерть тотчас же хлоп!
А как не заплясать тут по старинке,
Когда заплачут, запоют волынки?
Ведь вот порей – старик упорный, ловкий:
Все зелен стебель при седой головке.
Хотя бывалой силы не вернуть,
А хочется той силой прихвастнуть.
В костре потухшем, средь золы, все тлеют
Четыре угля; жгут они все злее:
Ложь, хвастовство, придиричивость и скупость -
Вот угли те, их раздувает глупость.